
Марей А. В. Аристотелевский человек на кастильском троне : добродетели и пороки правителей в зеркале «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 149–167.

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ*

АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА КАСТИЛЬСКОМ ТРОНЕ**

ДОВОДЕТЕЛИ И ПОРОКИ ПРАВИТЕЛЕЙ
В ЗЕРКАЛЕ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ» АЛЬФОНСО X МУДРОГО

Получено: 20.02.2024. Рецензировано: 04.03.2024. Принято: 06.03.2024.

Аннотация: В центре внимания автора статьи оказывается описание пороков и добродетелей правителей древнего Рима и средневековой Кастилии, представленное в тексте «Истории Испании», составленной в последней трети XIII века по приказу короля Альфонсо X Мудрого. Автор акцентирует внимание на нормативном характере этих описаний, несмотря на то, что они составляют часть нарративного сочинения. Целью подобного рода высказываний было закрепление в сознании читателей и слушателей тех или иных черт, которые подобало (или, напротив, не подобало) иметь королю, тех или иных качеств, к которым тому надлежало стремиться или от которых, наоборот, следовало воздерживаться. Тем самым, этот текст формировал социальные ожидания от короля — не от того, давно скончавшегося, но от нынешнего, правящего сейчас, а также от его наследников, то есть косвенно выстраивал этическую и социальную норму. От короля ожидалось, что он будет щедрым по отношению к вассалам, яростным воином, ревностным христианином, умелым и милосердным судьей, строгим к себе, умеренным в быту, всегда умеющим отличать доброе от дурного и пользующимся этим умением к общей пользе. В общем, от него ждали, что он будет добрым правителем в аристотелевском смысле этого слова — заботящимся о своей стране и своих подданных, к себе же относящимся со строгостью. Допускалось наличие среди королевских качеств гневливости и ярости, хотя они и порицались. Однозначно отрицательными считались такие качества, как неумение контролировать свои телесные желания и позывы, излишнее чревоугодие, похоть, неразумие и неумная жестокость.

Ключевые слова: Альфонсо X, «История Испании», добродетели, пороки, зеркало правителей, этика.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-149-167.

В многочисленных рассказах о различных монархах, сохранившихся в кастильских нарративных источниках рассматриваемого периода, при-

* Александр Владимирович Марей, к. ю. н., старший научный сотрудник ЦПСИ ИОН РАНХиГС (Москва), marey-av@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6185-0453.

** © Марей, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

влекает внимание практически полное отсутствие описаний внешности венценосцев. Это заметно даже по прозвищам, дававшимся тем или иным королям Кастилии и Леона. В отличие от каролингских и германских соседей, привычно носивших прозвания типа Красивого, Лысого, Толстого, Рыжебородого и т. д., монархи Леона и Кастилии обыкновенно звались Мудрыми, Жестокими, Справедливыми, Добрыми или Злыми. Когда хронист, все же, обращался к внешности короля, это имело иную цель, описание каких-то черт, присущих фигуре или лицу монарха, использовалось для рассказа о свойственных ему добродетелях или пороках. Наличие какого-либо изъяна во внешности короля свидетельствовало, как правило, о некоем изъяне в его моральном облике, о его недостатке как правителя. То есть реальная внешность монарха не играла в кастильской интеллектуальной культуре практически никакой роли: за очень редкими исключениями ее не описывали, а чаще всего даже не упоминали ни в хрониках, ни в текстах иных жанров. Описание же внешней красоты правящей особы коррелировало, как правило, с упоминанием его или ее морального и политического совершенства.

На основании сказанного можно сделать предположение о нормативной природе встречающихся в кастильских источниках рассматриваемого периода высказываний о добродетелях и пороках королей. Причем нормативность эта проявлялась двояко, в зависимости от контекста, в котором стояло рассматриваемое высказывание: оно могло быть нормативным в строгом смысле этого слова, если было включено в юридический текст (в качестве примера можно привести соответствующие разделы «Семи Партид») или если оно было частью морально-дидактических трактатов или зеркал. С другой стороны, высказывание могло быть и нормативным в косвенном, непрямом смысле, особенно, если оно содержалось в историографическом тексте. Позволю себе пояснить эту мысль. Если в какой-нибудь исторический текст, например, в «Историю Испании», включали описание привычек, пороков и добродетелей какого-либо короля, пусть даже и давно покойного, это делалось не для того, чтобы рассказать читателям о том, *каким на самом деле* был этот монарх. Целью высказывания в таком случае было закрепление в сознании читателей и слушателей тех или иных черт, которые подобало (или, напротив, не подобало) иметь королю, тех или иных качеств, к которым тому надлежало стремиться или от которых, наоборот, следовало воздерживаться. Тем самым, этот текст формировал социальные ожидания от короля — не от того, давно скончавшегося,

но от нынешнего, правящего сейчас, а также от его наследников, то есть, косвенно выстраивал этическую и социальную норму.

Эта статья представляет собой попытку проверить гипотезу, описанную выше. В ней анализируется информация о добродетелях и пороках кастильских (и иных) монархов, описанных или хотя бы упомянутых в «Истории Испании», составленной по приказу короля Кастилии и Леона Альфонсо X. Однако для того, чтобы перейти к этому анализу, необходимо сначала хотя бы кратко охарактеризовать источник, с которым я буду работать дальше.

1. «ИСТОРИЯ ИСПАНИИ»: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Как известно, «История Испании» (Альфонсо X Мудрый и сотрудники, 2018/2022) была начата по приказу короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284) и вместе со «Всеобщей историей» (*Estoria General*), составила важнейшую часть его историографического проекта. К моменту ее начала — то есть, к 1270 году — Альфонсо X уже провел все наиболее значимые свои завоевания, был силен и относительно здоров, успешно женил старшего сына и наследника, инфанта дона Фернандо, на дочери французского короля Людовика IX Святого и пока еще оставался одним из наиболее вероятных кандидатов на престол Священной Римской империи. «История Испании» была призвана легитимировать господство Кастилии, подчеркнуть претензии Кастильской короны на безусловное верховенство на Пиренейском полуострове (фактически, на создание своей, Иберийской, империи) и путем самого факта своего создания стала одним из главных идеологических столпов монархии Мудрого короля. Как известно, в последующие 15 лет все пошло не так, как хотелось королю, его планы обрушились, семья фактически распалась, сам он потерял сначала старшего сына — тот трагически погиб в 1275 году, — затем здоровье и практически все королевство. В 1282 году против него была развязана война, инициатором которой стал его сын и на тот момент наследник — инфант Санчо, будущий король Санчо IV (1284–1295). Тем не менее, начатая Альфонсо X «История Испании» осталась одним из наиболее важных исторических сочинений Кастилии, равно как и всей Европы, второй половины XIII–XIV веков.

Работы над ней были начаты, как уже было сказано, около 1270 года и продолжалась примерно четыре года, после чего была надолго приостановлена. Возобновились они в последние годы правления Альфонсо X, так что к 1284 году сложились две версии текста «Истории...»,

одна из которых, известная в историографии как «Изначальная», доводила изложение до гибели в бою короля Леона Бермудо III и начала правления короля Фернандо I Великого, объединившего под своей короной Кастилию и Леон (1037), а вторая — т. н. «Критическая» — до смерти короля Леона Фернандо II (1188 г.)¹. При этом, естественно, что в рукописной традиции более представлена оказалась именно первая, «Изначальная» версия «Истории Испании», поскольку она писалась в относительно спокойные для Альфонсо X годы², когда непосредственно власти короля ничего не угрожало и скриптории работали с большим размахом. «Критическая» же версия создавалась в 1282–1284 годах, когда против короля поднял восстание Economic History of the Iberian старший сын и наследник, будущий король Санчо IV (1284–1295), и верность Альфонсо X сохранили, по сути, лишь два больших города в его королевстве — Севилья и Мурсия. Естественным следствием этого стало то, что «Критическая версия» существовала в гораздо меньшем количестве рукописей, а до наших дней дошла и вовсе, практически в одной (Фернандес-Ордоньес, Аулов, 2018: 195).

После смерти Альфонсо X, в правление его сына, короля Санчо IV, «История Испании» была продолжена и доведена до смерти короля Кастилии и Леона Фернандо III Святого (1252). Продолжение это, известное как «Расширенная версия или Хроника 1289 года»³, строилось на базе «Изначальной версии» «Истории Испании» и создавалось путем перевода с латыни соответствующих глав «Сочинения о делах Испании» Родриго Хименеса де Рада и добавления к ним небольших вкраплений из запиренных анналов. В идеологическом наполнении этого варианта «Истории...» Инес Фернандес-Ордоньес отмечает следующую важную перемену: в тексте, по ее мнению, «превозносятся

¹Подробнее о текстуальной и рукописной традиции «Истории Испании» см. исчерпывающее исследование И. Фернандес Ордоньес и указанную в нем библиографию: (Фернандес-Ордоньес, Аулов, 2018); см. также классические работы Диего Каталана: (Catalán, 1962; 1963; 1997). О значении «Истории Испании» для идеологической политики Альфонсо X, а также о контексте создания этого памятника см. в том же издании подробную главу О. В. Аулова: (Аулов, 2018).

²Понятно, что восстание магнатов 1271–1273 гг. назвать полностью «спокойным» нельзя, но, в сравнении с последними двумя годами правления Альфонсо X, это было именно что спокойное время.

³О рукописной традиции этого текста, а также о его значении для развития позднейшей хронистики в Кастилии и, особенно, в Галисии и Португалии, (см.: Фернандес-Ордоньес, Аулов, 2018: 200–207).

достоинства аристократии и прелатов как элиты, участвующей в управлении королевством и выполняющей роль опоры королевской власти» (Фернандес-Ордоньес, Ауров, 2018: 201). Это замечание представляется важным, поскольку позволяет отчасти объяснить и то, что короли в этих «поздних» главах — от Фернандо I и до Фернандо III включительно — описываются существенно суше, для их описания привлекается меньше характеристик, в том числе и тех, что относятся к их добродетелям и порокам и, разумеется, имеют первостепенное значение для данной статьи. Около двух третей всех упоминаний разобранных ниже характеристик, относящихся как к порокам, так и к добродетелям монархов, приходится на ранние главы «Истории Испании», посвященные римским императорам и готским королям.

2. ПОРОКИ

Составители «Истории Испании», по всей видимости, были гораздо более склонны хвалить властителей, чем ругать их, и потому о пороках королей говорили меньше и реже, чем о добродетелях. Несмотря на это, опираясь на текст хроники, можно построить своеобразный рейтинг отрицательных качеств монарших особ.

Первое место в нем, безусловно, принадлежит весьма любопытному качеству, которое на испанском называли *braueza*, а людей (или, отмечу, зверей), обладавших им, описывали прилагательным *brauo*. Это слово в «Истории Испании» употреблялось для описания королей и иных властителей более 25 раз. Из всех пороков, о которых далее пойдет речь, этот был, пожалуй, самым амбивалентным — как похвала в строгом смысле эта характеристика, конечно, не использовалась, но, в сочетании с другими положительными качествами (например, с великодушием) она могла выглядеть не совсем страшно. Однако как правило это слово использовалось для указания на порок, а именно, на излишнюю жестокость (особенно, в сочетании с прилагательными *cruel* и *esquivo*)⁴ или лихость, готовность легко проливать чужую кровь то ли врагов, то ли подданных. Король, к которому относилась эта характеристика, мог быть неудержим в бою и даже жаден до боя — так, например, об

⁴EE. cap. 592: «Commo quier que en las otras cosas fuesse el brauo et esquiuo, por esto que el fizo contra los clerigos enderesço Dios su fazienda, ca se demostro en aquello por su amigo et diol poder et auantaia contra sus enemigos».

EE. cap. 733: «Seyendo ell aun ninno de poca edad et de poco sentido, començo a assannar los cuendes de Gallizia por sus palabras non cuerdas et sus fechos desaguizados et de serles brauo et esquiuo».

Альфонсо VI хроника сообщает, что он считал зря прожитым каждый день, когда ему не удавалось обнажить меч для битвы⁵. Однако все-таки чаще этой характеристикой пользовались, чтобы обозначить человека, неспособного свой гнев и припадки ярости, подобного своей злобой и дикостью диким зверям.

Любопытно, что в отечественной историографической традиции это качество обычно определяют как хорошее, и королей, носящих это прозвище (Альфонсо VI и Санчо IV) переводят на русский с эпонимом «Храбрый». Однако это толкование закрепилось в языке как основное достаточно поздно, примерно в XVI веке, как свидетельствует наиболее влиятельный этимологический словарь кастильского языка (Corominas & Pascual, 1984: 655). И, если уж подбирать перевод этого слова из характеристик правителей, доступных в русском языке, я бы предложил остановиться на прилагательном «лихой» или, как вариант, «буйный».

Следующую позицию в списке пороков правителя за жестокостью и с большим отрывом от нее занимает характеристика *malo*, т. е. «злой», «плохой», «дурной». Таким эпитетом в «Истории Испании» награждали правителей 9 раз. Эта характеристика могла стоять в одиночестве и иметь, тем самым, исчерпывающий характер, как в случае с королем Фруэлой II⁶, могла же сопровождаться уточнениями, среди которых чаще всего встречались уже упомянутая жестокость⁷ или трусость и малодушие⁸. Примыкает к понятию *malo* еще одно, упоминавшееся гораздо реже и только в первой части «Истории Испании», но по смыслу весьма к нему близкое — *vicioso*, т. е. «порочный». Под этой характеристикой, как правило, не имели в виду никакого конкретного изъяна человеческой природы конкретного властителя, но, скорее, общую ее дурность и испорченность.

⁵EE. cap. 846: «Et este fue el rey don Alfonso el sexto, et dizienle por connoscencia de sobrenombre “el rey don Alfonso el Brauo” [...] Este rey don Alfonso tenie por mal de tenerse ell omne uicioso en traerse a solaz de si, mas preciauasse por lidiar et auie sabor en ello; et quando non lidiaua, tenie que perdie su tiempo. Rey fue de grand coraçon».

⁶EE. cap. 678: «Este rey don Fruela fue malo...»

⁷EE. cap. 866: «Este rey Yahia fue mal rey et auol, et muy alongado de las mannas et de las costumbres de su auuelo el rey Almemon et de su padre el rey Ysem; et començo de ser muy esquiuo et muy brauo contra los meiores de sus moros et desí contra todo su pueblo, et fazeles muchos pesares et muchas fuerças...»

⁸EE. cap. 708: «Mas don Ordonno el Malo, como era omne medroso et de flaco coraçon, quanto lo sopo, tan grand ouo el miedo, que fuxo de noche et fuesse pora Asturias...»

Третье место в этом перечне делят между собой жадность и похотливость⁹, часто упоминавшиеся вместе и считавшиеся плохо совместимыми с обликом настоящего правителя. Близким к ним кажутся еще два качества, одно из которых упоминалось дважды, второе же — всего один раз: невоздержанность в еде и излишняя любовь к развлечениям, в данном случае, к охоте¹⁰. Наличие у правителя хотя бы одного качества из этого сомнительного букета подчеркивало его слабость, стремление к собственным наслаждениям в ущерб общей пользе и общему же благу. Наконец, замыкают этот перечень пороков склонность правителя к лести¹¹, упоминавшаяся трижды, его легкомыслие (4 раза)¹² и забывчивость (1 раз), малодушие и трусость (по 2 раза)¹³.

Про забывчивость стоит сказать чуть подробнее. Ее появление в списке недостатков королей довольно любопытно сопрягается с фразой, открывающей пролог к «Седьмой Партиде», то есть к собранию уголовных законов. Согласно этому источнику,

забывчивость и дерзость — вот те две вещи, которые заставляют людей совершать многие проступки: так как забывчивость приводит их к тому, что они не помнят о том зле, которое может их постигнуть за тот проступок, который они совершили, а дерзость дает им смелость совершить то, чего они не должны делать¹⁴.

То есть этот по сути небольшой и незначительный изъян человеческой природы также оказывается связан с достаточно большими и неприятными последствиями, особенно, если его обладатель — король.

Отдельной строкой упомяну еще один порок, отмеченный в тексте «Истории Испании» лишь единожды, но сам по себе весьма любопытный.

⁹EE. 321: «E fue este Licinio omne much escasso & muy cobdicioso & muy duro & much aspero & brauo y esquiuo & no soffrido en ninguna cosa. E era muy luxurioso».

¹⁰EE. 579: «Este rrey don Ffruela fue liuiano de seso et amaua mucho la caça mas que non deuie».

¹¹EE. 745: «Maguer que el era assaz cuerdo et entendudo, non dexaua de escuchar mucho losengeros et omnes maldizientes...»

EE. 986: «Este rey don Fernando de Leon, [...] como cuenta el arçobispo don Rodrigo, oye de ligero dichos de losenias et de meçclas et a los quel andauan murmurando destas cosas tales et de tuertos et de nemigas».

¹²EE. 682: «...uenol mandado como so hermano don Alfonso era salido de la orden. Ca en uerdad assi commo se el metiera con liuiandad en ella, assi se salio otrossi della con poco seso...»

¹³EE. 708: «Mas don Ordonno el Malo, como era omne medroso et de flaco coraçon, quanto lo sopo, tan grand ouo el miedo, que fuxo de noche et fuesse pora Asturias...»

¹⁴Part. 7. pr.: «Oluidança e atreuimiento son dos cosas que fazen a los omes errar mucho. Ca el oluido los aduze, que non se acuerden, del mal que les puede venir por el yerro, que fizieren».

Говоря о короле Маурегате, хронист отмечает, что он был «льстивым и сладкоречивым» и, благодаря этому, продержался у власти на протяжении пяти лет. Однако поскольку он хотел быть хорошим со всеми, включая мавров, его «возненавидел и Бог, и люди»¹⁵.

Подводя промежуточные итоги под описанием пороков властителей, отмечу, что, во-первых, о них писали немного, и это, скорее всего, умышленно — правителей стремились писать добрыми, что, в целом, соответствовало и теологии власти, построенной на новозаветных текстах. Из всех пороков наиболее частым качеством правителя, если максимально обобщать, считалась неумеренность в широком смысле этого слова. От неумеренности в еде и в удовольствиях до неспособности контролировать свой гнев, неумеренности в эмоциях и страстях. Из остальных пороков стоит отметить злобу, которая не имела ничего общего с пороками первой группы, но означала общую испорченность природы монарха, к которому применялось прилагательное «злой». Дополнить же картину облика идеального монарха призвано описание королевских добродетелей, к которому я сейчас и перейду.

3. ДОБРОДЕТЕЛИ

В отличие от пороков, о добродетелях монархов в «Истории Испании» писали много и достаточно охотно. Можно условно разделить все положительные качества, приписываемые монархам, на несколько групп, в первую из которых войдут добродетели, характеризовавшие правителей в их отношениях со своими подданными, вторую составят качества, описывавшие королей в их взаимосвязи с Богом и, наконец, третью — качества, положительные безотносительно объекта их применения, ценные сами по себе. Разумеется, это деление сугубо условно, но оно, как представляется, дает возможность более полно описать, каким должен был быть идеальный король с точки зрения авторов «Истории Испании».

Первая группа открывается самыми незначительными из положительных качеств (если судить по частоте их упоминаний), то есть, великодушием, благородством и веселостью характера¹⁶. Эти качества упоминались реже остальных — всего 16 случаев употребления на весь

¹⁵EE. cap. 606: «...como era omne de buena palabra, acabo con ellos lo que querie... [...] E por que Mauregato era omne falaguero e de buena palabra contra todos, mantou el regno cinco annos. Et el por auer siempre ell amor de los moros, fizo muchas cosas que eran contra Dios et contra su ley [...] por esto que el fazie fue aborrescido de Dios et de los omnes».

¹⁶Каст. *de grand corazón, noble u alegre*.

текст «Истории Испании» и чаще всего сопровождали другие характеристики, такие, как воинское мастерство (*esforzado*)¹⁷ или щедрость и открытость характера (*franque, liberal*)¹⁸.

Следующие добродетели по частоте упоминания в тексте источника (по 20 раз) — это как раз щедрость и открытость характера. Король, как добрый сеньор, был обязан быть щедрым и заботиться — в материальном плане — о благополучии своих вассалов и рыцарей. В этом плане весьма показательна характеристика, данная хронистом королю Арагона Педро II (1196–1213). О нем говорится, что он был «весьма великодушен и щедр в раздаче своего добра»¹⁹. Впрочем, была у этого качества и своя обратная сторона: чересчур щедрый король рисковал прослыть в глазах своих подданных расточительным, а это уже считалось его серьезной слабостью как правителя. Классический пример такой двойственной характеристики сохранился в латинской биографии Альфонсо X, составленной францисканцем Хуаном Хилем де Самора для своего воспитанника, будущего короля Санчо IV. Король дон Альфонсо, по выражению своего биографа, «был до того щедр, что сама его щедрость смотрелась расточительностью»²⁰.

С щедростью по частоте упоминаний в источнике соседствует справедливость короля. Для того, чтобы обозначить монарха как справедливого, его называли либо *derechero*, либо *iusticiero*, причем первое из прилагательных использовалось гораздо чаще второго. Велик соблазн истолковать их как взаимозаменяемые синонимы, однако, по всей видимости, они ими не были, хотя, без сомнения, имели близкое значение. При сопоставлении фрагментов «Истории Испании», в которых королей называют *derechero*, с аналогичными местами в сочинении «Об испанских делах» Родриго Хименеса де Рада, можно увидеть, что везде на том месте, где в кастильском тексте встречается искомое прилагательное, в латинском стоит прилагательное *iustus*, т. е. «справедливый», в смысле

¹⁷EE. cap. 609: «E pues, como quier que el fuesse omne mucho esforzado et de grand coraçon por que uio que sin peccado non podrie mantener el regno, dexol de su grado, e enuió por su sobrino don Alfonso...»

¹⁸EE. cap. 992: «Fue este rey don Fernando varon piadoso et alegre, liberal et libre en las cosas que eran de fazer...»

¹⁹EE. cap. 797: «Regno empos el su fijo don Pedro, que fue omne de gran coraçon et franque en partir et dar su auer, et con muy grand sabor que auie de dar dond quier que el pudiesse sacar auer emprestado o en qual guisa quier que lo el auer podie, partiello luego de buena miente por todos.»

²⁰Biografías. 319: «Adeo nihilominus extitit liberalis, quod ipsius liberalitas prodigalitatís speciem induebat.»

описания моральной добродетели монарха²¹. Упоминание же эпитета *iusticiero* применительно к королю Альфонсо VII Императору имеет своим латинским источником соответствующую главу «Всемирного хроникона» Луки Туйского, где тот рассказывает о любви Альфонсо VII к отправлению правосудия²². Таким образом, речь в этих фрагментах идет не о законотворческих талантах короля или его тяге к правосудию, а именно о его справедливости, в аристотелевском смысле этого слова. Косвенным подтверждением этому служит, как представляется, ряд синонимов, в который встраивали прилагательное *derechero*: как правило, оно соседствовало с такими характеристиками как «разумный» (*sesudo*), «правдивый в словах» (*verdadero en palabras*), «скромный» (*manso*) или «богобоязненный» (*temient a Dios*)²³.

Помимо того, что в королях ценили щедрость по отношению к своим друзьям и справедливость в общении и в суде, от них также достаточно часто ждали скромности и смирения в поведении (*manso y sofrido*)²⁴, умеренности в быту (*mesurado*)²⁵ и приверженности к повседневному

²¹Cfr. e. g.: EE. 670: «Et pues que el rrey don Ordonno ouo el regno, semeio bien al so buen padre en mannas, ca era muy entendudo, cuerdo et derechero, et muy fazedor de elmosna a pobres et a los que lo auien mester, et mantenie bien el regno».

DRH. IV, 22: «Hic autem Ordonius paterna facta felici emulatione capescens, prudens et sollers, iustus et pius et in necessitatibus pauperum consolator, regnum prouide gubernabat».

²²e. g., ChrM. IV, 76: «Tantus inuasit terror omnes magnates tocius imperii ex hoc facto, uidentes zelum et animositatem imperatoris in iusticia facienda... etc.»

²³EE. 670: «Et pues que ell ouo el regno, semeio bien al so buen padre en mannas, ca era muy *entendudo, cuerdo et derechero*, et muy fazedor de elmosna a pobres et a los que lo auien mester, et mantenie bien el regno».

EE. 684: «Ell era muy *uerdadero en su palabra, et derechero en juyzio*, et buen cauallero en armas, et mui esforçado, et gano mucha tierra de moros, et ensancho Castiella quanto el mas pudo...»

EE. 764: «Fue este conde don Sancho piadoso, *sesudo et derechero*, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado...»

EE. 790: «Fue príncep *muy manso et derechero et sofrido et atemprado en sus fechos* contra todos, de guisa que de todos era muy bien amado».

EE. 802: «Este rey don Fernando el Magno, de como cuentan las estorias, fue omne *derechero et temient a Dios* et temient de su alma, et muy ardit en lit. [...] Et el mantouo su regno muy en paz grand tiempo, que se le non leuanto y bollicio ninguno».

²⁴EE. 636: «Aquel rey don Ordonno, que a esta sazón començo a regnar, cuenta la estoria que fue rey *manso et sofrido*, et sabio, et entendudo en todos los fechos del mantenimiento del regno».

²⁵EE. 814: «El rey don Fernando comendara sus fijas donna Urraca et donna Eluira al rey don Alfonso su fijo, et hermano dellas, teniendol por mas mansso et mas mesurado que a los otros».

монаршьему труду (*laborioso*). Со смирением, терпением и умеренностью коррелируют и часто воспроизводившиеся упоминания о воинских умениях тех или иных монархов. Правителей часто описывали как «горячих в битве» (*hardid*), «сильных» (*esforçado*) или просто «добрых рыцарей» (*buen cauallero*).

Таким образом, в общении с другими людьми идеальный король виделся авторам «Истории Испании» щедрым и справедливым сеньором, умелым воином, неприхотливым и умеренным в быту, легко переносящим тяготы. В общении же с Богом он должен был быть благочестивым (*piadoso*)²⁶ и истинным христианином (*ccatólico*). Приветствовались также, хотя и отмечались в тексте «Истории Испании» реже, такие качества, как милосердие (*misericorde*)²⁷, забота о своей душе и богобоязненность (*temient a Dios*)²⁸.

Наконец, правитель, прежде всего, должен был быть добрым (*bueno*) и умным (*sesudo, cuerdo, entendudo, sabio*). На этих качествах стоит остановиться чуть подробнее. Первое из них имеет, скорее, собирательный характер, нежели описывает какое-то конкретное качество правителя. Считалось само собой разумеющимся, что «добрый» король скромен к себе, щедр к своим людям, храбр в битве, благочестив и в целом — добродетелен. Ярче всего это видно при прочтении панегирика королю Санчо III Желанному, о котором сказано, что он:

²⁶ЕЕ. 764: «Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derecho, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado».

²⁷ЕЕ. 986: «Este rey don Fernando de Leon, assi como cuentan las estorias, buen rey fue, piadoso et rey de misericordia et de buen alma; pero assi como cuenta el arçobispo don Rodrigo, oye de ligero dichos de losenias et de meçclas et a los quel andauan murmurando destas cosas tales et de tuertos et de nemigas».

²⁸ЕЕ. 670: «Et pues que ell ouo el regno, semeio bien al so buen padre en mannas, ca era muy entendudo, cuerdo et derecho, et muy fazedor de elmosna a pobres et a los que lo auien mester, et mantenie bien el regno».

ЕЕ. 684: «Ell era muy uerdadero en su palabra, et derecho en iuyzio, et buen cauallero en armas, et mui esforçado, et gano mucha tierra de moros, et ensancho Castiella quanto el mas pudo...»

ЕЕ. 764: «Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derecho, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado...»

ЕЕ. 790: «Fue prinçep muy manso et derecho et sofrido et atemprado en sus fechos contra todos, de guisa que de todos era muy bien amado».

ЕЕ. 802: «Este rey don Fernando el Magno, de como cuentan las estorias, fue omne derecho et temient a Dios et temient de su alma, et muy ardit en lit. [...] Et el mantouo su regno muy en paz grand tiempo, que se le non leuanto y bollicio ninguno».

был столь добродетельным и имел столь добрую душу, [...] что блистал своим поведением в сравнении с другими людьми. Он был щитом для знатных и отцом для бедных и слабых, другом для духовенства и монахов, защитником малых сирот, справедливым судьей для всех, для каждого по-своему; и поскольку со всеми был добродетелен и устраивал всех, то всеми же был и любим²⁹.

Таким образом, прилагательное *bueno* применительно к правителю описывало его как классического «доброего» правителя в аристотелевском смысле этого слова, то есть, того, таланты и действия которого обращены на пользу его подданным, а не ему самому. Лишний раз это наблюдение подтверждается, если посмотреть, какие прилагательные чаще всего составляли синонимические ряды с *bueno*: это, прежде всего, *piadoso*, т. е. «благочестивый», *franque* — «щедрый» и *atreuudo*, «умелый в сражении»³⁰.

Своеобразным замковым камнем в здании добродетелей правителя традиционно служило благоразумие³¹, т. е. *prudencia*³², считавшаяся

²⁹EE. 985: «Et fue este rey don Sancho tan bueno et de tan buena alma, segund dize ell arçobispo don Rodrigo, que resplandesçie por buenas costumbres ante los otros omnes, et que era escudo de los nobles et padre de los pobres et de los flacos, et amigo de las religiones et de los omnes de las ordenes, et guardador de los huerfanos pequennos, et ell derecho juyz de todos, de cada unos en la su guisa; et assi como a todos era bueno et prouechoso, assi era muy amado de todos».

³⁰EE. 785: «Este rey don Garcia era bueno, segund la estoria cuenta, et piadoso et muy franque et muy atreuudo, et quanto ell auer podie todo lo daua a caualleros».

EE. 796: «...fue este don Alfonso cauallero muy atreuudo et franque et bueno en todo».

EE. 968: «Fue este don Alfonso, fiyo de la Reyna donna Urraca, uaron muy bueno et muy largo, muy dador, muy mansso, sesudo et libre en las cosas que eran de fazer... etc.»

³¹Наиболее ярко это, разумеется, отражено не в «Истории Испании», а в нормативных и дидактических памятниках эпохи, прежде всего, во «Второй Партиде»: Part. 2.5.8: «Cordura es la primera de las otras quatro virtudes que diximos en la tercera ley ante desta que ha el Rey mucho menester: para biuir en este mundo bien derechamente. Ca esta faze, ver las cosas, e judgarlas ciertamente: segun son: e pueden ser, e obrar en ellas, como deue, e non rebatosamente. La segunda virtud, es temperança, que quier tanto dezir, como mesura. Ca esta es cosa, que faze al ome biuir derechamente, non tomando, nin cambiando, nin vsando, de las cosas, mas de lo que cumple, a su natura, e pertenesce a su estado. La tercera virtud es fortaleza de coraçon. Ca esta, faze el ome, amar el bien, e seguirlo e porfiar toda via en leuarlo adelante e aborrecer el mal puñando siempre, en lo desfazer. La quarta virtud es justicia, e es madre de todo bien: ca en ella caben todas las otras por ende ayuntando los coraçones de los omes faze que sean assi como vna cosa para biuir derechamente segund mandamiento de Dios, e del señor, departiendo e dando, a cada vno su derecho, assi como meresce e le conuiene».

³²О *prudencia*, как королевской добродетели, и о ее восприятии в интеллектуальной культуре Пиренейского полуострова интересующего меня периода см. ряд работ: (Kleine, 2007; Rodríguez de la Peña, 1997; 2002; 2008; 2014; Rucquoi, 1995; 2006).

одной из четырех основных добродетелей и трактовавшаяся, прежде всего, как умение отличать добро от зла, что видно, в частности, из приведенной цитаты из «Этимологий» Исидора Севильского³³. В другом сочинении того же севильского прелата устанавливается различие между благоразумием (*prudencia*) и мудростью (*sapientia*), в соответствии с которым благоразумие имеет больше отношения к земным делам, в то время, как мудрость — к божественным³⁴. В язык Альфонсо X слово *prudencia* не вошло, и его заменили два практически синонимичных существительных — *cordura* и *seso* и, соответственно, образованные от них прилагательные *cuerto* и *sesudo*. Близким к ним по смыслу было и еще одно прилагательное, образованное из причастия, — *entendudo*, подчеркивавшее у названного им человека наличие умения понимать, в самом широком смысле этого слова.

В «Истории Испании» эта характеристика служила высшей похвалой для правителя³⁵, равно как противоположная ей — *con poco sentido, liviano de seso*, т. е. «неразумный» — отмечала короля, совершенно непригодного к правлению³⁶. Однако, помимо благоразумия была и еще одна добродетель умного правителя, а именно *sabiduria*, то есть, «мудрость» или «многознание». Эти два слова, на первый взгляд, если и не противоречат друг другу, то уж точно не составляют синонимической пары. Однако, судя по тексту нашего источника, слово *sabio*, если использовалось как прилагательное, обычно требовало после себя уточнения с предлогом *en*, то есть, «знающий в чем-либо», «эрудированный», «образованный». Ближе всего оно соприкасалось с характеристикой *entendudo*, которая тоже могла трактоваться как признак образованности

³³Etym. II.24.5-6: «Ethicam Socrates primus ad corrigendos componendosque mores instituit, atque omne studium eius ad bene vivendi disputationem perduxit, dividens eam in quattuor virtutibus animae, id est prudentiam, iustitiam, fortitudinem, temperantiam. Prudentia est in rebus, qua discernuntur a bonis mala».

³⁴Diff. II.36.417: «Inter Prudentiam et sapientiam. Prudentia in humanis rebus, sapientia in divinis distribuitur» (cfr. autem Diff. II. 499).

³⁵EE. 703: «Deste rey don Ordonno cuenta la estoria que era sesudo assaz, et sabie traer muy bien su fazienda et abenirse otrosi con sus uassallos muy bien».

EE. 764: «...Fue este conde don Sancho piadoso, sesudo et derecho, et muy hardit et atreuido, et muy enderençado...»

EE. 968: «Fue este don Alfonso, fija de la Reyna donna Urraca, uaron muy bueno et muy largo, muy dador, muy manso, sesudo et libre en las cosas que eran de fazer... etc.»

³⁶Cfr.: EE. 733: «Seyendo ell aun ninno de poca edad et de poco sentido, començo a assannar los cuendes de Gallizia por sus palabras non cuerdas et sus fechos desaguizados et de serles brauo et esquiuo...»

или умения в какой-либо области³⁷. Марина Кляйне в своей статье, посвященной понятиям знания и власти в текстах эпохи Альфонсо X, предлагает считать все четыре слова, т. е. *cuerto*, *sesudo*, *entendido* и *sabio* синонимами (Kleine, 2007), с чем я склонен не соглашаться. С одной стороны, ее выводы основываются на анализе нескольких текстов эпохи Альфонсо, причем в их число входят как нарративные («История Испании», «Всеобщая история»), так и нормативные («Семь Партид») и даже философские (Семичастие), что, безусловно, придает ее словам больший вес. С другой же стороны, анализ текста именно «Истории Испании» не позволяет подтвердить ее наблюдения, что может быть объяснено, в частности, работой разных авторских коллективов, или даже шире — разных скрипториев. Ведь если «Партиды» и «Всеобщая история» составлялись преимущественно в скриптории Мудрого короля, «История Испании», как известно, в своей второй части была составлена позднее, в правление Санчо IV и его мудрой жены, королевы Марии де Молина.

Переходя к выводам, представляется возможным еще раз отметить несколько основных моментов, наиболее важных для рассмотренного в этой статье вопроса. В кастильской традиции достаточно долго не было принято описывать физическую внешность королей и королев, отдавая предпочтение разговору об их пороках и добродетелях. В этом дискурсе внешность если и появлялась, то только как доказательство, физическое проявление того или иного качества души или характера короля. Наиболее «королевским» пороком считалась лихость или буйность, передававшаяся кастильским понятием *braueza*. Это качество само по себе считалось дурным, но оно могло расцениваться и как хорошее, особенно в сочетании с великодушием, умением сражаться и ревностью к католической вере. Остальные пороки, по большей части, относились к неумению короля контролировать либо свое тело (похотливость, жадность до еды и т. д.), либо свои мысли и слова (нетвердость в слове, слабость ума, чрезмерное сладкоречие, забывчивость).

В полном сочетании с этим, добродетели короля также выстраивались в своеобразную иерархию, на нижних ступенях которой стояли королевская щедрость (могущая обернуться расточительством), открытость

³⁷EE. 636: «Aquel rey don Ordonno, que a esta sazón començo a regnar, cuenta la estoria que fue rey manso et sofrido, et sabio, et entendido en todos los fechos del mantenimiento del regno».

EE. 679: «El otro juyz daquellos dos que alçaran los castellanos fue omne muy sesudo, manso, sabio et entendido».

в общении. Выше них встраивались справедливость монарха, трактовавшаяся, скорее, как *правосудность*, его личная скромность, умеренность в быту, воинское умение и стремление к битвам, наконец, благочестие. Верхнюю ступень занимала *доброта* правителя, трактуемая отнюдь не как личное его моральное качество, но, скорее, как обобщающая характеристика его как правителя — эта характеристика подразумевала, что король в ходе своего правления думал не о себе, но о своем королевстве и о благе подданных. Венчало иерархию добродетелей благоразумие, восходящее к классическому концепту *prudentia*, — умение отличать добро от зла и совершать правильные поступки. Его гранью, иногда выраставшей в отдельную добродетель, следует признать знание, то есть, эрудицию короля, его владение разными науками.

Таким образом, если представить себе некоего идеального короля, который объединил бы в себе все положительные качества, которые кастильские хронисты приписывали монархам, получился бы, пожалуй, прекрасный образец аристотелевского человека и правителя: разумный, говорящий немного и по делу, скромный и умеренный в быту, щедрый по отношению к своим вассалам, прекрасный воин, бьющийся за свое королевство и за христианскую веру. Подобный идеал, описанный в одном из самых известных испанских исторических сочинений, неизбежно стал своеобразным нормативным лекалом, мерой, с которой жители Пиренейского полуострова подходили к каждому следующему своему правителю.

СОКРАЩЕНИЯ

- Biografías *Fita F.* Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Juan Gil de Zamora // Boletín de la Real Academia de la Historia. — 1884. — Vol. 5. — P. 308–328.
- ChrM Lucae Tudensis Chronicon Mundi // Lucae Tudensis Opera Omnia. Vol. 1 / Ed. E. Falque. — Turnhout : Brepols, 2003. — (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis ; LXXIV).
- Diff Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum II / Ed. M. A. Andrés Sanz. — Turnhout : Brepols, 2006.
- DRH Roderici Ximenii de Rada Historiae de rebus Hispaniae sive historia gothica // Roderici Ximenii de Rada Opera Omnia : Pars I / Ed. V. J. Fernández. — Turnhout : Brepols, 1987. — (Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis ; LXXII).

- EE [Esteria de Espanna]—Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 : en 2 vols. / publ. R. Menéndez Pidal. — Madrid : Gredos, 1955.
- Etym Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. W. M. Lindsay. — Oxford : Oxford University Press, 1911.
- Part Las Siete Partidas del Sabio Rey don Alfonso el nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio López del Consejo Real de Indias de su Magestad : en 3 vols. — Salamanca : Por Andrea de Portonaris, impressor de Su Magestad, 1555.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфонсо X Мудрый и сотрудники.* История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис : в 3 т. / под ред. О. В. Аурова, Е. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. — СПб. : Наука, 2018/2022.
- Ауров О. В.* Альфонсо X Мудрый, его эпоха и его «История Испании» // История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. В 3 т. Т. 1 / Альфонсо X Мудрый и сотрудники ; под ред. О. В. Аурова, Е. В. Ершовой. — СПб. : Наука, 2018. — С. 31–94.
- Фернандес-Ордоньес И.* «Истории Испании» история текста и рукописная традиция / пер. с исп. О. В. Аурова // История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. В 3 т. Т. 1 / Альфонсо X Мудрый и сотрудники ; под ред. О. В. Аурова, Е. В. Ершовой. — СПб. : Наука, 2018. — С. 177–248.
- Catalán D.* De Alfonso X al Conde de Barcelos : cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal. — Madrid : Gredos, 1962.
- Catalán D.* El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romanía. — 1963. — Vol. 84. — P. 354–375.
- Catalán D.* De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. — Madrid : Fundación Ramón Menéndez Pidal y Universidad Autónoma de Madrid, 1997.
- Corominas J. y Pascual J.* Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Vol. 1. — Madrid : Gredos, 1984.
- Kleine M.* La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso X el Sabio // Res publica. — 2007. — Vol. 17. — P. 223–239.
- Rodríguez de la Peña M. A.* Imago Sapientiae. Los orígenes del Ideal sapiencial medieval // Medievalismo. — 1997. — N° 7. — P. 11–39.
- Rodríguez de la Peña M. A.* Rex scholaribus impendebat: The King's Image as Patron of Learning in Thirteenth Century French and Spanish Chronicles : A Comparative Approach // The Medieval History Journal. — 2002. — Vol. 5, no. 1. — P. 21–36.

- Rodríguez de la Peña M. A.* Los reyes sabios. Cultura y poder en la Antigüedad Tardía y la Alta Edad Media. — Madrid : Actas, 2008.
- Rodríguez de la Peña M. A.* Rex excelsus qui scientiam diliget : la dimensión sapiencial de la Realeza alfonsí // Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies. — 2014. — N° 9. — P. 107–135.
- Rucquoi A.* De los reyes que no son taumaturgos : los fundamentos de la realeza en España // Temas medievales. — 1995. — N° 5. — P. 163–186.
- Rucquoi A.* Rex, Sapientia, Nobilitas. Estudios sobre la Península Ibérica Medieval. — Granada : Universidad de Granada, 2006.

Marey, A. V. 2024. "Aristotelevskiy chelovek na kastil'skom trone [An Aristotelian Man on the Castilian Throne]: dobrodeteli i poroki praviteley v zerkale 'Istorii Ispanii' Al'fonso x Mudrogo [Royal Mirror of the 'Estoria de Espanna' by Alfonso x the Wise]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (1), 149–167.

ALEXANDER MAREY

PHD IN LAW

SENIOR RESEARCHER

CENTER OF PERSPECTIVE SOCIAL STUDIES

INSTITUTE OF SOCIAL STUDIES RANEPА (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6185-0453

AN ARISTOTELIAN MAN ON THE CASTILIAN THRONE

ROYAL MIRROR OF THE "ESTORIA DE ESPANNA" BY ALFONSO X THE WISE

Submitted: Feb. 20, 2024. Reviewed: Mar. 04, 2024. Accepted: Mar. 06, 2024.

Abstract: The author focuses on the vices and virtues of the rulers of ancient Rome and medieval Castile, as they are presented in the text of the "History of Spain", compiled in the last third of the 13th century by order of King Alfonso X the Wise. The author focuses on the normative nature of these descriptions, even though they form part of a narrative essay. The purpose of this kind of statement was to consolidate in the minds of readers and listeners certain traits that it was appropriate (or inappropriate) for a king to have, certain qualities that he should strive for or from which, on the contrary, he should abstain. Thus, this text formed social expectations from the king — not from one who died long ago, but from the then-current reigning monarch, as well as from his heirs, that is, it indirectly built an ethical and social norm. According to the Alfonsine text, the king should be generous towards his vassals, a fierce warrior, a zealous Christian, a skilful and merciful judge, strict with himself, moderate in everyday life, always able to distinguish good from evil and to use this skill for the common benefit. In general, he should be a good ruler in the Aristotelian sense of the word — caring for his country and his subjects but treating himself with severity. Anger and rage were allowed among the royal qualities, although generally they were condemned. Qualities such as the inability to control one's bodily desires and urges, excessive gluttony, lust, unreason and stupid cruelty were considered unambiguously negative.

Keywords: Alfonso X, "Estoria de Espanna", Virtues, Vices, Mirror of the Princes, Ethics.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-149-167.

REFERENCES

- Alfonso x el Sabio y colaboradores. 2018. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya Ispanii, kotoruyu sostavil blagorodneyshiy korol' don Al'fonso, syn blagorodnogo korolya dona Fernando i korolevy don'i Beatris [Estoria de Espanna que fizo el muy noble rey don Alfonso fijo del noble rey don Fernando et de la Reyna donna Beatriz]*, ed. by O. V. Aurov and Ye. V. Yershova. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Andrés Sanz, M. A., ed. 2006. *Isidori Hispanensis Episcopi Liber Differentiarum II* [in Latin]. Turnhout: Brepols.
- Aurov, O. V. 2018. "Al'fonso x Mudryy, yego epokha i yego 'Istoriya Ispanii' [Alfonso x el Sabio, su época y su 'Estoria de España']" [in Russian]. In *Alfonso x el Sabio y colaboradores 2018*, 31–94.
- Catalán, D. 1962. *De Alfonso x al Conde de Barcelos: cuatro estudios sobre el nacimiento de la historiografía romance en Castilla y Portugal* [in Spanish]. Madrid: Gredos.
- . 1963. "El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio" [in Spanish]. *Romanía* 84:354–375.
- . 1997. *De la silva textual al taller historiográfico alfonsí. Códices, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo* [in Spanish]. Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal / Universidad Autónoma de Madrid.
- Corominas, J., and J. Pascual. 1984. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico* [in Spanish]. Vol. 1. Madrid: Gredos.
- Falque, E., ed. 2003. "Lucae Tudensis Chronicon Mundi" [in Latin]. In *Lucae Tudensis Opera Omnia*, vol. 1. Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, LXXIV. Turnhout: Brepols.
- Fernandes-Ordon'yes, I. 2018. "'Istorii Ispanii' istoriya teksta i rukopisnaya traditsiya [La transmisión textual y la tradición manuscrita de la 'Estoria de España']" [in Russian]. In *Alfonso x el Sabio y colaboradores 2018*, 177–248.
- Fernández, V. J., ed. 1987. "Roderici Ximenii de Rada Historiae de rebus Hispaniae sive historia gothica" [in Latin]. In *Roderici Ximenii de Rada Opera Omnia : Pars I*. Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, LXXII. Turnhout: Brepols.
- Fita, F. 1884. "Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Juan Gil de Zamora" [in Spanish]. *Boletín de la Real Academia de la Historia* 5:308–328.
- Kleine, M. 2007. "La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso x el Sabio" [in Spanish]. *Res publica* 17:223–239.
- Las Siete Partidas del Sabio Rey don Alfonso el nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio López del Consejo Real de Indias de su Magestad* [in Spanish]. 1555. 3 vols. Salamanca: Por Andrea de Portonaris, impressor de Su Magestad.
- Lindsay, W. M., ed. 1911. *Isidori Hispanensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX* [in Latin]. Oxford: Oxford University Press.
- Menéndez Pidal, R., ed. 1955. *[Estoria de Espanna] — Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289* [in Spanish]. 2 vols. Madrid: Gredos.
- Rodríguez de la Peña, M. A. 1997. "Imago Sapientiae. Los orígenes del Ideal sapiencial medieval" [in Spanish]. *Medievalismo*, no. 7, 11–39.
- . 2002. "Rex scholaribus impendebant: The King's Image as Patron of Learning in Thirteenth Century French and Spanish Chronicles: A Comparative Approach." *The Medieval History Journal* 5 (1): 21–36.
- . 2008. *Los reyes sabios. Cultura y poder en la Antigüedad Tardía y la Alta Edad Media* [in Spanish]. Madrid: Actas.

- . 2014. “Rex excelsus qui scientiam diligit: la dimensión sapiencial de la Realeza alfonsí” [in Spanish]. *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsíes*, no. 9, 107–135.
- Rucquoi, A. 1995. “De los reyes que no son taumaturgos: los fundamentos de la realeza en España” [in Spanish]. *Temas medievales*, no. 5, 163–186.
- . 2006. *Rex, Sapientia, Nobilitas. Estudios sobre la Península Ibérica Medieval* [in Spanish]. Granada: Universidad de Granada.